

Культура

Екатерина Ратникова

ХРАМ В КИОВЕ

На северо-западе Подмосковья, в черте современного города Лобни, на берегу ледникового озера Киово располагается одноимённое село. Его звучное, необычное и непонятное название хранит богатую историю.

Сейчас в первую очередь знают и помнят об этом месте орнитологи. В 1980-е годы на Киевском озере располагалось единственное в черте города и крупнейшее в Европе место гнездования озёрных чаек. Было оно здесь и ранее (поэтому территорию озера сделали заповедной ещё в 1920-е годы), но вот рекордной своей численности колония этих белокрылых птиц достигла к перестроечным годам — около сорока тысяч взрослых чаек, не считая птенцов и яиц... В это время здесь, и в основном только здесь, озёрных чаек изучали, и теперь практически все публикации об этой своеобразной птице упоминают Киово как основное место исследований. Затем по разным

причинам, основная из которых — человеческое равнодушие к природе, число гнездовых чаек на озере стало сокращаться, и к началу 2000-х годов они практически совсем перестали появляться в этих краях. А в 2009 году птиц решили вернуть в Киово местные жители, и до сих пор делают для блага озера всё возможное. Поэтому сейчас в научном мире на наших глазах происходит очередная сенсация: впервые в мировой практике колония диких озёрных чаек восстановлена на Киевском озере искусственным путём, с помощью муляжей гнёзд и голосовых приманок. А ведь ранее это считалось совершенно невозможным. Неудивительно, что сегодня и само озеро, и прилегающая к нему территория — заказник федерального значения, и охраняется государством именно благодаря чайкам. Чайка изображена и на гербе города Лобни, в территорию которого входит Киово.

Но, несмотря на такую значительную роль чаек в истории села и озера Киово, не о них сейчас пойдёт речь.

Мало кто знает о том, что Киово было в своё время усадьбой. Не такой, конечно, большой и знаменитой, как, например, Кусково или же располагающееся совсем неподалёку от Лобни Марфино. Но и здесь, как положено, стоял господский дом, имелись липовые аллеи, разные подсобные помещения и даже зверинец. До нашего времени сохранился уникальный памятник архитектуры XVIII века — храм Спаса Нерукотворного образа, куда приходят молиться местные жители и который может посетить любой желающий. Попробуем же теперь по возможности проследить незаслуженно полузабытую историю этого места и этого храма.

Во-первых, интересно само название «села на пруде» — Киово. Этимология этого слова неясна до сих пор и вряд ли прояснится когда-нибудь окончательно. Автор краеведческого исследования «Лобня. Природа. История» Т.Б. Рогова, проработавшая много версий происхождения имён местных деревень и посёлков, останавливается на том, что «название водоёма и находящегося на его берегу бывшего села... связано с выходцами из Киевской Руси». Возможно, это именно так и есть. Хотя тема имени озера и села не закрылась этим

предположением, высказанным исследовательницей довольно давно, а напротив, всё время продолжала оставаться чрезвычайно плодотворной для дальнейших разысканий. Например, весьма любопытна дискуссия, развернувшаяся в середине 1990-х годов на страницах местной газеты «Лобня». Автор одной из опубликованных тогда по этому поводу статей М. Рощин предполагает, что название происходит от мерянского слова «чайка»: ведь на территории нынешнего Подмосковья ещё в начале нынешнего тысячелетия жило славянское племя меря, и хотя их язык, не обретший письменности, остался неизвестным, мы можем предполагать, что он в связи со своим происхождением имел много общего с языками финно-угорских народов, известных нам. «Чайка» на этих языках звучит примерно так: «ка а а», «ка о а», «ка оа», «ка а», «ка о», следовательно, можно предположить, что и меряне назвали своё озеро «чаячьим», тем более, что ярославское озеро Неро, на котором стоит город Ростов Великий, имел первоначальное название Каово, а на его берегах тоже жили меряне. Эта версия была убедительно опровергнута в следующих номерах газеты (на основании того, что чайки, согласно свидетельствам старожилов села, появились в Киово не раньше начала XX века), но она заслуживает внимания — потому

КУЛЬТУРА

хотя бы, что показывает, насколько интересно и важно было краеведам выяснять происхождение названия озера и села, и насколько это оказалось трудно. К тому же история о «выходцах из Киевской Руси» тоже давно обросла легендами. Вот одна из них, самая неправдоподобная с исторической точки зрения, а потому самая поэтичная, записанная со слов: «Отца больного, и сестру малолетнюю и братьев отроков оставив, пошёл с дружиною княжич Кий место для постоянного становища искать. Сначала вверх по Днепру шёл, затем на восток свернул. Нигде ему место не нравилось. Наконец пришёл он в долину с озёрами. А самое большое озеро было всякой птицей богато. Разбил он лагерь. Напились дружинники и заснули, устав от постоянных походов. Утром налетели чайки и все съестные припасы пограбили. Рассердился Кий и велел все гнёзда чаек разорить. Полезли воины в озеро, да многие утопили, чайками заклёваны и плавучими островами задавлены. Крепко осерчал Кий. На берегу нашли шалаш одинокого старика. Решили этого старика в жертву идолу принести. Но разразилась гроза и молния расщепила идола. Тогда старец сказал: "Не там ты себе дом ищешь, возвращайся на Днепр и там ищи место с высокими холмами, там твой дом. И здесь не задерживайся. Отец твой умер, а братьев и сестру в полон взяли".

Так и сделал Кий, а старика отпустил с миром. Рассказал старец селянам эту историю, и с тех пор озеро стали Киевым звать». То есть предполагается, что Кий пришёл в Подмоскowie как раз перед тем, как основал Киев. История, весьма для фольклорных сказаний характерная.

Между прочим, как многие из нас помнят, «кий» по-старославянски — палка, дубина, жердь, свая (отсюда и предположение о том, что Кий «Повести временных лет» был основателем перевоза через Дунай, держащегося на сваях, который позднее превратился в город Киев). Отсюда ещё один вариант происхождения названия Киево — если предположить, что в здешних краях росли деревья, использовавшиеся в качестве материала для изготовления свай или дубин.

Но всё это только предположения и поводы поразмыслить, поэтому всё-таки, за неимением более доказуемых вариантов, остановимся и мы на версии происхождения названия озера и села Киево от города Киева. ««Надобно вслушаться в названия новых суздальских городов: Переяславль, Звенигород, Стародуб, Вышгород, Галич — всё это южнорусские названия... Имя самого Киева не было забыто в Суздальской земле: село Киево на Киевском овраге знают старинные акты XVI столетия в Московском уезде...». Когда я впервые прочитала

эти слова, то, естественно, сразу подумала, что речь — о нашем Киове. Правда, смущал овраг — у нас-то озеро. Позже я узнала, что когда-то существовало одноимённое село к югу от Москвы, в рай оно Бутово. Там действительно был овраг. Однако думаю, что история заселения и лобненской земли тесно связана с переселенцами из Приднепровья».

Итак, Киово является самой древней частью современной Лобни. Первый документ, в котором оно упоминается, — Духовная грамота (завещание) князя Ивана Юрьевича Патрикеева, написанная в 1498 году. Иван Патрикеев был правнуком Дмитрия Донского и вторым лицом в государстве после великого князя Московского. В то время Киово уже было селом (то есть в нём имелась православная церковь и проживало несколько крестьянских семей), а своим завещанием И.Ю. Патрикеев передавал его старшему сыну Василию в наследство в числе других земель.

Следующее документальное упоминание о Киово относится уже к началу XVII века. К тому времени село стало пустошью, а хозяевами её были братья Борняковы. Один из них, Иван Иванович Борняков, известен как «белозерский воевода», потом — дьяк, о втором, Григории, практически ничего не известно, кроме того, что после смерти брата Григорий Борняков выку-

пил постепенно восстанавливающееся Киово из Поместного Приказа, а позднее заложил его знаменитому зятю — боярину Богдану Матвеевичу Хитрову. А вот Хитрово был видным государственным деятелем, воеводой, градостроителем, дворецким, а также богатым коллекционером и меценатом, способствовавшим, например, превращению Оружейной палаты в один из лучших музеев России. Кроме того, Хитрово, судя по всему, был очень религиозным человеком, — известны большие пожертвования его в московские монастыри, в одном из которых, Новодевичьем, он и похоронен. Именно ко времени владения боярином-благодетелем подмосковными землями относятся первые упоминания о строительстве в Киово храма «во имя Нерукотворенного Господа нашего Иисуса Христа да в приделе Святого Апостола Иоанна Богослова», ныне самого древнего храма Лобни (как называлась предыдущая церковь, стоявшая при Патрикеевых, ни в одном из источников не говорится, сама она тоже, разумеется, не сохранилась). Новая церковь была, как и первая, деревянной, а село благодаря ей получило название Киово-Спасское.

После этого село благополучно переходило несколько раз из рук в руки, пока не попало в 1758 году к будущему графу, а в то время камергеру Ивану Ларионовичу Во-

КУЛЬТУРА

ронцову. Воронцов за время своей службы сделал блестящую карьеру: помимо других разных званий, получаемых дворянами, он был президентом Вотчинной коллегии, ведавшей делами землевладения и межевания, тайным советником и кавалером, жившим в огромной усадьбе в центре Москвы. Есть две версии, согласно которым он стал владельцем Киово. Согласно первой, оно перешло к нему в качестве приданого — Воронцов был женат на дочери знаменитого при Анне Иоанновне генерал-аншефа Артемия Волынского (а до него подмосковными землями в этом районе владели как раз Волынские). Но вторая версия выглядит убедительнее и к тому же подтверждена документально: село и прилегающие к нему земли попали к Ивану Ларионовичу по закладу от других Волынских, тоже дворян, в 1758 году (а женился он на десять лет раньше, в 1748).

Именно Воронцов стал ключевой фигурой в истории села. В 1761 году, уже будучи графом, он получает Киово в собственность. Именно при нём и был построен в 1769 году каменный храм Спаса Нерукотворного Образа, сохранившийся до наших дней прекрасный памятник архитектуры и, фактически, главный храм современного города. Людей в Киово в середине XVIII века было немного: согласно переписи, жителями села являлись 48 мужчин. Но Воронцов

построил здесь полноценную дворянскую усадьбу и, насколько мог, заботился о ней, хотя и не жил здесь: в качестве приданого жены он получил родовую усадьбу Волынских Вороново и благоустраивал для личного проживания в основном именно её.

Каменный храм Спаса Нерукотворного таит в себе загадку, которую учёные вряд ли разгадают и в будущем. Загадка эта — авторство храмового здания. Все бумаги, связанные с храмом, были уничтожены во время Советской власти, и поэтому документально доказать авторство сегодня практически невозможно. Но при этом практически во всех статьях и исследованиях о Киово упорно говорится, что автор этого воздушного, устремляющегося ввысь вопреки суете современности здания — знаменитый придворный архитектор Карл Бланк.

Карл Иванович Бланк (1728–1793) — сын Ивана Яковлевича Бланка, архитектора-немца при русском дворе, сосланного в Сибирь по делу уже упомянутого Артемия Волынского, который был его другом. После совершения переворота в Петербурге семье было дозволено вернуться, и Карл Бланк стал учиться архитектурному мастерству, в том числе, например, у Расстрелли и других известных московских зодчих. К 1760-м годам уже довольно известный Бланк жил во владениях графа Воронцова и переезжал

с места на место с ним, фактически став его домашним архитектором. Получал он заказы и от других богатых помещиков, например, Шереметевых и Паниных, неизменно пользуясь высоким авторитетом и славой архитектора, умеющего действительно угодить заказчику. Работал зодчий как в Москве (не в Петербурге!), так и в далёкой провинции, так что число зданий, сооружённых им лично или под его руководством, не поддаётся точному исчислению. Самая знаменитая работа Бланка — западный и центральный корпуса Московского Воспитательного дома, едва ли не первое масштабное классицистическое здание в Москве. Также до наших дней сохранились отдельные постройки в Кусково и некоторых других местах.

Что касается храмов, возводимых Бланком, у всех них (конечно, сейчас мы будем говорить о тех зданиях, чьё авторство точно установлено) есть некая типичность, позволяющая отличать их от храмов, построенных по проектам других зодчих. В первую очередь — это... типичность русского барокко с вкраплением классицистических черт (недаром Бланка называли последним русским архитектором барокко и первым архитектором классицизма): устремлённость силуэта храма вверх, чёткая организация пространства, ритмичность и воздушность деталей, множество не-

больших украшений при общей строгости облика здания. Любопытный желающий может проверить сходство всех зданий Бланка друг с другом — лично или по старым фотографиям. И, например, зная год открытия храма в Киове, мы можем убедиться, что он был построен сразу же после возведения практически такого же храма в Вороново. Схожесть двух зданий сразу бросается в глаза даже современному прихожанину — несмотря на архитектурные изменения, внесённые временем. Также похож храм в Киове на снесённый в 1930 году московский храм Бориса и Глеба у Арбатских ворот — сейчас неподалёку от того места, где некогда он был возведён, у станции метро Арбатская, стоит небольшая часовенка-напоминание о разрушенной святыне, а прямо на месте, где стоял храм, — памятный знак с его изображением. И этот храм Бланк строил тоже незадолго до того, как Воронцов решил возвести каменную церковь в загородной усадьбе Киово. Примерно в это же время, чуть раньше или чуть позже, появились в Москве: церковь Екатерины Мученицы на Всполье, Николая Чудотворца в Звонарях на Рождественке, Кира и Иоанна на Солянке (снесена в 1934 году) — храмы Бланка были довольно многочисленны, и каждый из них соединяет в себе черты позднего барокко и раннего классицизма. Поэтому, на основании

КУЛЬТУРА

изображений тех церквей, автором которых по документам числится Карл Бланк, а также того факта, что он принимал участие в строительстве практически всех усадеб Воронцова, мы можем, как и другие исследователи, сказать уверенно, что именно этот архитектор возводил храм и в Киово. Лист с историей Спасской церкви, который находится в ней самой, чтобы прихожане знали о происхождении храма, который они посещают, гласит: «Подобный же проект был построен на средства графа И.И. Воронцова в подмосковном с. Свитине во имя Успения Пресвятой Богородицы в 1779 г. в 6 км. от усадьбы Воронцовых Вороново. К подобным постройкам относится Владимирский храм села Семёновского (усадьба Отрада), построенный крепостным архитектором Бабакиным по проекту столичного архитектора».

В дальнейшем судьба усадьбы и храма складывалась по-разному. Киовом владели Салтыковы, Орловы, Панины (первым из Паниных — владельцев здешних мест был тот самый вице-канцлер Никита Петрович Панин, который участвовал в заговоре против Павла I, а последней — «красная графиня» Софья Владимировна Панина). При Паниных здесь были высажены липовые аллеи для прогулок (по желанию супруги Н. Панина, тоже Софьи Владимировны, в виде буквы «П»), появился зо-

опарк и другие разного рода постройки. Но крайне важно и то, что сами Салтыковы, потом Орловы, потом Панины (как до них и другие знатные служители двора) здесь подолгу не жили. Маленькое Киово служило им не более чем «перевалочным пунктом» на пути из Москвы к другой усадьбе — Марфино, чей прекрасный архитектурный ансамбль, возведённый М.Д. Быковским по желанию Паниных, до сих пор радует глаз любителей старинной архитектуры. Киово стало зарастать, стареть, и в конце концов от него осталось то, с чего оно и начиналась, — село на берегу озера. В принципе, такова судьба многих небольших дворянских усадеб в разных губерниях — типичная и жестокая в своей логичности (богатые владельцы многочисленных земель не могли в равной степени благоустраивать их все и с равным вниманием поддерживать их все постоянно). О «дворянском» периоде Киово сейчас напоминают только состарившиеся, периодически падающие на дорожки липы и храм Спаса Нерукотворного.

В XX веке местные сёла и деревни пережили множество разрушительных периодов — от революции до Великой Отечественной войны (поздней осенью 1941 года здешние территории были оккупированы немцами, и на них шли страшные бои за подступы к Москве). Удивительно, что Киевская церковь ча-

стично, но сохранилась, несмотря на грабёж, запустение и серьёзные повреждения самого здания. Есть легенда, что незадолго до закрытия храма кто-то из местных снял с колокольни колокола и, чтобы спасти их от переплавки, спрятал в одном из деревенских колодезев. Разумеется, сейчас это тоже невозможно проверить, да и вряд ли нужно... В храме многое было разрушено и разворовано, что-то спрятали в своих домах жители села. В самом здании были склады, красильная фабрика декоративного творчества, пока в 1970-е годы не началось постепенное восстановление — сперва как памятника архитектуры, единственного на множество километров, а чуть позже — как полноценного места общения прихожан с Богом.

Киевский храм имеет сейчас, помимо основной части, два придела: Иоанна Богослова наверху (как замыслил и построил ещё Бланк) и святых равноапостольных Константина и Елены внизу (как достроили в начале XIX века при Анне Ивановне Орловой (урождённой Воронцовой). В начале века XX построена лестница у колокольни и запланирован южный придел, в южной стене нижней церкви и трапезной сделаны большие арочные проёмы. До сих пор храм реставрируется, даже ча-

стично перестраивается, но сохраняет чистую и светлую атмосферу сакрального пространства. Конечно, не все современные изменения на прихрамовой территории можно охарактеризовать как положительные, но сам облик храма торжествен и строг, каким он и был, скорее всего, два столетия назад. Устремляются вдоль стен пилястры, смотрят друг на друга милые головки херувимов, которыми украшены окна верхнего придела, далеко виден не то голубоватый, не то зелёный церковный купол. Внутри хранятся святыни: частица Мамврийского дуба с изображением Святой Троицы, храмовая икона Спаса Нерукотворного Образа, чтимый образ Казанской иконы Божией Матери и икона с частицей мощей великомученицы Анастасии. При храме есть воскресная школа, группа милосердия, помогающая немощным прихожанам, и много чего ещё. Летают над озером чайки, а церковь отражается в воде, и часто летними вечерами сюда приходят юные и зрелые художники писать пейзаж — церковь и озеро. И хочется надеяться, что в таком виде Киевский чайный заказник, старинное здание храма и остатки липовых аллей ещё проживут в стороне от оживлённого городского центра — чем дольше, тем лучше.